Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. И.В. Васильев

Чтения о нуждах единоверия

Опубликовано:
Христианское чтение. 1874. № 6. С. 236-312.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

ЧТЕНІЕ ПРОТОІЕРЕЯ І. В. ВАСИЛЬЕВА

«О НУЖДАХЪ ЕДИНОВѢРІЯ»,

ВЪ ЗАСѢДАНІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, 27-ГО НОЯБРЯ 1873 г.

Разсужденіе «о нуждахъ единовѣрія», начавшееся въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, вышло за его предѣлы. Въ одномъ изъ періодическихъ здѣшнихъ изданій напечатано много длинныхъ статей объ этомъ вопросѣ, которыя можно назвать продолженіемъ и развитіемъ взгляда почтеннаго Филиппова. Тонъ этихъ статей не позволяетъ приписать ихъ нашему сочлену; содержаніе же ихъ онъ можетъ, необинуясь, принять на свой счетъ. Но если въ музыкѣ тонъ играетъ главную роль, то въ серьезныхъ разсужденіяхъ онъ отодвигается на задній планъ. А потому, отвѣчая теперь на отповѣдь, направленную противъ моихъ короткихъ замѣчаній на чтеніе Тертія Ивановича, я буду разбирать какъ личные отвѣты его, такъ и напечатанное въ журналѣ развитіе ихъ, какъ бы они исходили изъ одного источника.

Нѣкоторые единовѣрцы, т. е. бывшіе русскіе раскольники, принятые въ общеніе съ церковію, на основаніи единства ихъ вѣры и подчиненія богоучреж-

денной іерархіи, съ дозволеніемъ имъ пользоваться такъ называемыми старыми обрядами, стали смущаться тѣмъ, что содержимые ими обряды преданы проклятію соборомъ 1667 года, а вслѣдствіе этого ходатайствовали объ отмѣнѣ этого проклятія рѣшеніемъ собора, равносильнаго собору наложившему осужденіе. Ходатайство ихъ доселѣ не получило удовлетворенія, но это не охладило ихъ стремленія и надежды на будущее время. Защитникомъ законности этого стремленія и основательности этой надежды единовѣрцевъ явился въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія нашъ почтенный сочленъ Тертій Ивановичъ Филипповъ. Желая разрѣшить эту задачу въ научной постановкѣ, онъ полагаетъ въ основаніе своего разсужденія правило, которымъ Церковь всегда руководилась именно: «различіе въ обрядахъ и обычаяхъ, при единствѣ вѣры не препятствуетъ общенію церковному». Это общее положеніе Тертій Ивановичъ ограничиваетъ только однимъ условіемъ, чтобы обряды и обычаи не состояли въ противорѣчіи съ ученіемъ вѣры, и выводитъ изъ него другое положеніе, которое онъ тоже называетъ руководящимъ правиломъ церкви, именно: «широкая, совершенная свобода обряда». За доказательствами этого положенія онъ обратился къ исторіи древней церкви и привелъ только одно, именно споръ между малоазійскими и римскою церквами о празднованіи пасхи. Но уже фактъ самаго спора не показываетъ ли шаткости положенія Тертія Ивановича о широкой, полной свободѣ обряда? Не доказываетъ ли онъ, напротивъ, стремленія къ единству обряда? Доказываетъ вполнѣ, особенно если дополнитъ недосказанное Тертіемъ Ивановичемъ, именно, что первый вселенскій соборъ поста-

новилъ для всѣхъ церквей одно время празднованія пасхи подъ угрозою анаѳемы на тѣхъ, которыя вздумали бы слѣдовать обычаю малоазійскихъ церквей. Такимъ образомъ приведенный фактъ не подтверждаетъ, а опровергаетъ положеніе о широкой, полной свободѣ обряда. Тертій Ивановичъ не привелъ изъ исторіи древней церкви другихъ болѣе удачныхъ примѣровъ въ подтвержденіе своей мысли по той, какъ намъ кажется, единственной причинѣ, что таковыхъ нельзя было найти. Въ самомъ дѣлѣ, въ первыхъ вѣкахъ церкви мы находимъ въ разныхъ мѣстныхъ церквахъ большое число литургій, согласныхъ между собою въ существенныхъ частяхъ, но разнящихся въ подробностяхъ, не противныхъ православію,—не есть ли это примѣненіе предполагаемаго искомаго правила церкви относительно широкой, полной свободы обряда? Нѣтъ, въ послѣдующихъ вѣкахъ церковь установила и приняла извѣстныя только литургіи, и совершеніе устраненныхъ изъ употребленія литургій было бы противленіемъ церкви и нарушеніемъ утвержденнаго порядка. Въ продолженіи многихъ вѣковъ сохранялась въ церкви разность относительно времени и продолжительности постовъ, разность, не обнаруживающая ничего неправославнаго; нѣтъ ли основанія видѣть въ этомъ широкой полной свободы обрядовъ и обычаевъ? Нѣтъ, впослѣдствіи установлено общее правило о постахъ и возвращеніе къ прежнимъ разностямъ относительно постовъ не позволительно. Считаемъ излишнимъ указывать на другія разности въ обрядахъ и обычаяхъ, напримѣръ на праздники, второстепенныя богослуженія и т. п., точно также какъ считаемъ излишнимъ настаивать на тотъ очевидный фактъ, что

все это приводилось церковью къ единству. Несомнѣнно то, что въ десятомъ вѣкѣ, когда основалась наша отечественная церковь, церкви восточной осталось немного дѣлать для установленія во всей своей области однихъ и тѣхъ же обрядовъ и обычаевъ. Церковь западная слѣдовала тому же образу дѣйствій съ тѣмъ только различіемъ, что римскій патріархъ, стремясь къ установленію единства въ обрядахъ и обычаяхъ, достигалъ вмѣстѣ съ тѣмъ другой, незаконной цѣли — утвержденія своего единовластія въ церкви. Такимъ образомъ, безпристрастное свидѣтельство исторіи не приводитъ насъ къ предположенію о широкой, полной свободѣ относительно обряда, а къ убѣжденію въ постоянномъ стремленіи церкви къ объединенію обряда. Не думаемъ, чтобы кто нибудь, основываясь на одной теоріи, рѣшился осудить эту постоянную практику церкви, руководимой ея Главою—Христомъ и одушевляемой Утѣшителемъ—Св. Духомъ. При внимательномъ разборѣ понятія объ обрядахъ и обычаяхъ не трудно убѣдиться въ законности и благодѣтельности такого образа дѣйствія церкви. Что такое обрядъ и обычай? Это выраженіе вѣры, надежды и любви христіанина, и вмѣстѣ съ тѣмъ средство къ ихъ сохраненію и укрѣпленію. Одни изъ этихъ выраженій суть естественное слѣдствіе связи души съ тѣломъ въ человѣкѣ, а потому, по единству законовъ состава человѣческаго, они однообразны: слово, вздохъ, возведеніе очей на небо, наклоненіе головы, воздѣяніе рукъ и тому подобное, естественны и свойственны всѣмъ людямъ. Другія обнаруженія внутренняго религіознаго состоянія суть образы, символы, подмѣченные общею человѣческою мыслію, а потому принятые почти во

всѣхъ религіяхъ, таковы: кажденіе, умовеніе рукъ. Иные установлены Богомъ какъ орудія его спасительнаго освященія вѣрующихъ, таковы такъ называемыя въ богословіи матерія и форма таинствъ, а потому обязательны для всѣхъ христіанскихъ церквей. Нѣкоторые обряды и обычаи исторически тѣсно связаны съ устройствомъ нашего спасенія, каковы крестъ, крестное знаменіе, празднованіе воскреснаго дня. Нѣкоторые изъ обрядовъ и обычаевъ можно назвать условными знаками и дѣйствіями, которые установлены церковію для болѣе подробнаго, и благолѣпнаго воспоминанія дѣлъ Божіихъ или для точнѣйшаго выраженія правой вѣры въ противодѣйствіе лжеученію: таковы многія священнослужебныя дѣйствія, краткія формулы молитвъ и словословій (молитва Іисусова, аллилуія) и нѣкоторыя продолжительныя пѣснопѣнія (догматики). Судя по такому происхожденію и значенію обрядовъ, не естественна ли, не законна ли, не благодѣтельна ли забота церкви объ ихъ обобщеніи между вѣрующими? Не служитъ ли это къ вѣрнѣйшему, единодушному исповѣданію и сохраненію вѣры, къ вожделѣнному согласію въ молитвѣ, къ поддержанію духа и любви, къ удобству церковнаго порядка, къ устраненію споровъ и разногласій, къ которымъ, при недостаткѣ просвѣщенія и любви, могутъ вести разности въ обрядахъ и обычаяхъ?

Впрочемъ, стремясь къ единству обрядовъ и обычаевъ, церковь достигала этого просвѣщеніемъ, любовію и терпѣніемъ. Въ первые вѣка христіанства, когда вселенская Церковь была стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, когда она отстаивала свое существованіе кровію своихъ членовъ, когда она распространяла,

выяснила и опредѣляла ученіе вѣры и полагала основы своего благоустройства, разности мѣстныхъ церквей въ обрядахъ и обычаяхъ не оставляли важнаго предмета ея опасеній и ея заботъ. Духъ живой вѣры и глубокой любви устранялъ опасность разногласія и раздѣленія. За тѣмъ, когда церковь получила свободу внѣшняго положенія, когда руководительная дѣятельность ея стала обобщаться, тогда началось объединеніе и второстепенныхъ сторонъ ея жизни: обрядовъ и обычаевъ. Оно совершилось не вдругъ и, конечно, не безъ нѣкотораго дѣятельнаго или страдательнаго сопротивленія со стороны мѣстныхъ церквей, привязанныхъ къ своимъ обрядамъ и обычаямъ; но, благодаря просвѣтительному вліянію пастырей и учителей, благодаря духу вѣры и любви христіанъ, состоялись уступки, произошло соглашеніе.

Ко времени отдѣленія церкви западной отъ восточной остались только разности въ обрядахъ и обычаяхъ между этими главными вѣтвями Церкви вселенской. Это обстоятельство показываетъ, что стремленіе церкви къ объединенію внѣшнихъ сторонъ ея жизни имѣло свои граннцы. Въ церковной исторіи мы видимъ попытки обобщить даже нѣкоторые второстепенные обряды и обычаи для Востока и Запада; но они не увѣнчались успѣхомъ. Гдѣ причина этой неуспѣшности? Въ различіи исторической почвы и историческихъ условій этихъ странъ. Эти выраженія, высказанныя мною въ возраженіи Тертію Ивановичу, названы защитникомъ нуждъ единовѣрія пустыми, неимѣющими смысла фразами. И однакожъ для людей образованныхъ, какими я не могъ не признавать членовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія,

эти выраженія имѣютъ ясный, опредѣленный смыслъ. Ихъ можно назвать принятыми, техническими терминами, и я считалъ излишнимъ доказывать и разъяснять, что географическія особенности странъ, этнографическія различія народовъ и историческія обстоятельства ихъ жизни имѣютъ вліяніе на формальный складъ способностей и на внѣшній строй быта. Нельзя передѣлать грека въ римлянина и наоборотъ. Богословствованіе древнихъ отцовъ и учителей восточныхъ и западныхъ очень разнится въ способѣ доказательствъ и изложенія, при согласіи ихъ въ православіи; точно также не сходны по новѣйшей формѣ литургіи Востока и Запада, при ихъ сходствѣ въ существенномъ: первыя можно назвать поэтическими, вторыя прозаическими. Тоже нужно сказать и о другихъ службахъ церковныхъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ отдѣльное существованіе обрядовъ и обычаевъ восточныхъ и западныхъ: церковь не преслѣдовала ихъ объединенія по причинамъ весьма уважительнымъ; она остановилась предъ невозможностью. Съ другой стороны, церковь западная обнимала собою половину римской имперіи, не уступала численностію восточной, составляла по преимуществу чести первый патріархатъ. Эта численность и эта независимость и первочестность представляла естественное ея каноническое право къ сохраненію ею особаго, ей свойственнаго обряда, каковое право принадлежало и каждому патріархату восточному, какъ канонической единицѣ, но ни одинъ изъ нихъ, по вышеизложеннымъ основаніямъ, не хотѣлъ имъ пользоваться. Нужно присовокупить, что многія формулы молитвъ и многія пѣснопѣнія восточной церкви бы-

ли направлены противъ ересей, возникшихъ на Востокѣ, послѣдователи которыхъ образовали тамъ общества, враждебныя православію. Для церкви восточной не было основанія предлагать, а для церкви западной не было нужды принимать эти формулы молитвъ и пѣснопѣній, явившихся подъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ. Мы употребляемъ слова: церковь восточная и церковь западная непроизвольно; онѣ освящены древнимъ употребленіемъ церкви, доказывающимъ вѣрность нашихъ мыслей. Такимъ образомъ положенное Тертіемъ Ивановичемъ въ основаніе для его разсужденій о нуждахъ единовѣрія будто-бы «исконное правило церкви о широкой, полной свободѣ обряда», страдаетъ, по меньшей мѣрѣ, неопредѣленностью и преувеличенностью. Вѣрнѣе было-бы выразиться такъ: въ церкви всегда было стремленіе къ объединенію обрядовъ и обычаевъ, но допускались и разности въ обрядахъ и обычаяхъ, когда это было необходимо, неизбѣжно.

Ограниченное и исправленное такимъ образомъ положеніе о допущеніи разностей въ обрядахъ и обычаяхъ не должно и не можетъ быть примѣняемо къ единовѣрческому обряду въ русской церкви. Церковь русская есть отрасль восточной церкви. Получивъ отъ перваго вселенскаго патріархата святой залогъ истинной вѣры, она приняла оттуда же и свои обряды, одинаковые со всею восточною церковью. Эти обряды, значительнымъ образомъ содѣйствовавшіе обращенію нашихъ предковъ въ православіе, пришлись намъ по сердцу и привязанность къ нимъ сдѣлалась весьма крѣпкою. Мысль объ оставленіи или измѣненіи ихъ не приходила и не могла придти на сердце

русскому православному человѣку. При томъ долгое время отечественная церковь находилась въ іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха; наши митрополиты сначала были имъ посылаемы изъ грековъ, а потомъ утверждаемы изъ русскихъ, такъ что измѣненіе обрядовъ восточныхъ безъ прямаго на то согласія вселенскихъ патріарховъ не могло не представляться незаконнымъ. И однакожъ впослѣдствіи вкрались, т. е. приняты незамѣтно и ненамѣренно, въ русскій обрядъ многія измѣненія и искаженія. Защитникъ «нуждъ единовѣрія» останавливаетъ меня на этомъ мѣстѣ и завѣривъ, что особенностей единовѣрческаго обряда такъ мало, что «ихъ можно по пальцамъ перечесть,» насчитываетъ шесть такихъ особенностей, и восклицаетъ «вотъ и все»! Но этотъ счетъ, не смотря на его контроль по пальцамъ, оказывается невѣрнымъ. А замѣна именословнаго благословенія другимъ, а вставка въ символъ вѣры лишняго сравнительно съ оригиналомъ слова, а своеобразное и упорно защищаемое писаніе и произношеніе достопокланяемаго имени: Іисусъ (Ісусъ); а погруженіе въ воду свѣчей при водоосвященіи, какъ видимое выраженіе «освяти воду сію Духомъ Святымъ и огнемъ», а упоминаемое при отпустахъ въ Богородичные праздники какъ бы олицетворенное наименованіе самихъ праздниковъ, а прибавленіе къ нѣкоторымъ пѣснопѣніямъ слоговъ, неимѣющихъ никакого смысла? И это еще не все, но оно уже превышаетъ число пальцевъ на рукахъ человѣка и можетъ поставить въ затрудненіе считающаго по пальцамъ. Объ этихъ розностяхъ упоминаютъ или нашъ противораскольническій соборъ или пастыри церкви, вразум-

лявшіе упорствовавшихъ приверженцевъ мнимо-стараго обряда. Впрочемъ, дѣло не въ многочисленности, которая есть понятіе относительное: что одному кажется много, то другому можетъ казаться мало. Для водворенія согласія и мира я готовъ замѣнить это спорное слово неопредѣленнымъ *нѣкоторыя*. Но особенно смущаетъ и даже волнуетъ защитника «нуждъ единовѣрія» употребленное мною объ особенностяхъ единовѣрческаго обряда слово *искаженіе*. Онъ обѣщаетъ мнѣ благодарность если я укажу, какое искаженіе обряда я усматриваю въ этихъ особенностяхъ. Надѣюсь заслужить эту благодарность, но только прошу моего мздовоздаятели не искажать мысли, заключающейся въ моемъ выраженіи. Между тѣмъ, по недоразумѣнію и въ жару своей отповѣди, онъ это дѣлаетъ. Онъ думаетъ, будто я сказалъ, что толкованіе, какое даютъ единовѣрцы особенностямъ своего обряда, неправославно и противно здравому смыслу, и опровергая невѣрно мнѣ приписанную мысль, объясняетъ смыслъ двуперстія, молитвы Іисусовой, хожденія посолонь и въ подтвержденіе своихъ историческихъ и богословскихъ аргументовъ приводитъ довольно длинную цитату изъ сочиненія покойнаго митрополита Григорія, общій смыслъ которой есть тотъ, что «въ обрядѣ (единовѣрцевъ) есть разность, но «вѣра одна». Но вся эта ученость и цитата напрасны; онѣ не идутъ къ дѣлу. Мнѣ и въ мысль не приходило упрекать единовѣрцевъ нашихъ въ неправославіи: согласно съ церковію, я признаю ихъ вполнѣ намъ единовѣрными, слѣдовательно православными; и выраженіе мое «*искаженія въ обрядѣ*» не противорѣчитъ этому. Можно сохранять обрядъ, не искажать его и быть неправо-

славнымъ; такъ вышло бы, если бы, напримѣръ, кто нибудь, употребляя при крестномъ знаменіи троеперстіе, выражалъ бы этимъ вѣру въ требожіе. Можно напротивъ исказить обрядъ, т. е. внѣшнее выраженіе, не отступая отъ православія? Что такое искаженіе? Это измѣненіе чертъ предмета къ худшему посредствомъ перестановки, прибавленія и убавленія, это несогласіе съ образцомъ, или оригиналомъ, умаляющее его полноту и правильность. Есть ли въ нѣкоторыхъ особенностяхъ единовѣрческаго обряда такія искаженія принятаго церковію образца внѣшнихъ выраженій вѣры? Несомнѣнно есть. Церковь установила такъ называемую трегубую форму «аллилуіа» для выраженія троичности лицъ въ Богѣ и единства существа; единовѣрческая особенность этой формулы, усѣкая эту формулу сдѣлала ее менѣе точнымъ и полнымъ выраженіемъ догмата, принимая при томъ вполнѣ этотъ догматъ. Это и есть искаженіе обряда, безъ отступленія отъ православія. Русская церковь взяла начертаніе и произношеніе достопокланяемаго имени Спасителя отъ греческой согласно начертанію и произношенію оригинальнаго евангельскаго текста: *Іисусъ*; единовѣрческая особенность, отвергая упорно это начертаніе и произношеніе и признавая вѣрнымъ только начертаніе и произношеніе сокращенныя, невѣрныя—*Ісусъ*, искажаетъ оригиналъ, вѣруя впрочемъ въ одного съ нами Спасителя. Опять искаженіе выраженія съ сохраненіемъ смысла. Надѣюсь, что я снялъ съ себя упрекъ и заслужилъ благодарность защитника «нуждъ единовѣрія» изъясненіемъ моихъ словъ, непонятныхъ только по недоразумѣнію.

Но какимъ путемъ, подъ какимъ вліяніемъ вкра-

лись эти измѣненія и искаженія. Защитникъ «нуждъ единовѣрія», только-что назвавшій пустымъ мое выраженіе о разныхъ почвахъ для обрядовъ, начинаетъ искать почвы для особенностей единовѣрческаго обряда. «Неужели, спрашиваетъ онъ, московской почвѣ запрещается произращать даже такіе незатѣйливые плоды какъ двуперстное знаменіе и хожденіе посолонь»? Здѣсь можно отвѣтить, что не московской только, а всякой почвѣ «запрещается произращать» то, что на ней не сѣяно, и чего отъ ней не ожидали. И если неожиданные отъ нея плоды «не затѣйливы», т. е. не важны, не полезны, то нѣтъ причины и дорожить ими. Церковь не есть дикій вертоградъ, а насажденный и воздѣланный. Вертоградари садятъ въ немъ то, что признаютъ нужнымъ и лучшимъ, остальное же, хотя и незатѣйливое, искореняютъ или терпятъ только до времени. Московская почва произрастила много добраго, но въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ воздѣлываніе и наблюденіе были недостаточны, она произрастила или вредные или ненужные плоды. Къ симъ послѣднимъ нужно отнести тѣ обряды, которые были причиною смутъ и раздѣленія въ русской церкви. Я не имѣю намѣренія оскорблять чувство единовѣрцевъ, называя особенности ихъ обряда *ненужными*, я хочу этимъ сказать, что онѣ явились безъ нужды, въ замѣнъ обрядовъ принятыхъ русскою церковью отъ восточной.

Но здѣсь почтенный Тертій Ивановичъ расходится во взглядѣ съ приверженцами такъ называемаго стараго обряда, которыхъ онъ думаетъ защищать. Они, кажется, не только не поблагодарятъ его, но имѣютъ право на него сѣтовать. Вѣдь они не признаютъ осо-

бенностей своего обряда доморощенными плодами московской почвы, не во имя роднаго, самостоятельнаго происхожденія этихъ особенностей они упорно ихъ отстаиваютъ. Они утверждаютъ, что эти особенности есть наслѣдіе восточной православной церкви, что онѣ установлены древними отцами церкви и соборами. Какъ выйдетъ изъ этого затрудненія защитникъ «нуждъ единовѣрія»? Онъ до извѣстной степени выходитъ изъ него посредствомъ колебанія. Признавъ особенности такъ называемаго старообрядческаго обряда плодами московской почвы, онъ потомъ указываетъ и на иноземную почву, напримѣръ для двоеперстія Сирію, «гдѣ оно возникло между православными для отраженія распространявшихся въ тѣхъ мѣстахъ монофизитскихъ заблужденій и держалось тамъ параллельно съ троеперстнымъ сложеніемъ по малой мѣрѣ до конца X вѣка». Но если бы такое происхожденіе двоеперстія у насъ было столько же несомнѣнно, сколько оно сомнительно по недостатку историческихъ свидѣтельствъ, оправдывается ли разумно допущеніе его? Въ Сиріи двоеперстіе было допущено для противодѣйствія монофизитству; а у насъ для чего? Въ Сиріи оно существовало временно, а у насъ почему оно должно получить право постояннаго гражданства? Тамъ оно уступило предъ древнимъ троеперстіемъ? а у насъ по какому разуму оно расчитывало вытѣснить троеперстіе? Послѣ неудачнаго путешествія за двоеперстіемъ въ Сирію, защитникъ «нуждъ единовѣрія» проситъ насъ послѣдовать за нимъ въ Палестину, для того, чтобъ послушать св. Кирилла Іерусалимскаго, дающаго будто бы основаніе двоеперстію. Для убѣжденія въ этомъ приводится текстъ св.

отца на двухъ языкахъ—на русскомъ и греческомъ. Что же гласитъ этотъ текстъ? «Да не стыдимся исповѣдывать Распятаго. Да будетъ (да изображается) на челѣ перстами печать Его и на всемъ крестъ Его». Но ни логика, ни грамматика не даютъ никакого повода находить двуперстіе въ приведенныхъ словахъ. Нужно имѣть предвзятую мысль, чтобъ въ словахъ *перстами* прочитать двумя перстами. Латиняне могутъ приводить съ одинаковымъ и даже съ бо́льшимъ основаніемъ это мѣсто св. Кирилла въ доказательство ихъ пятиперстія, такъ какъ св. Кириллъ, говоря о перстахъ не означаетъ числа ихъ. Если защитникъ «нуждъ единовѣрія» хотѣлъ сказать своею ссылкою на св. Кирилла, что смыслъ двоеперстія есть исповѣданіе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, то можно было обойтись безъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что приведенный отрывокъ и не упоминаетъ о двухъ естествахъ. Если же онъ имѣлъ въ виду доказать, древность двоеперстія, какъ обряда и не нашелъ другаго доказательства кромѣ приведенныхъ словъ св. Кирилла, то онъ далъ плохую опору двуперстію. Между тѣмъ неудачная попытка къ оправданію хоть одной особенности мнимо-стараго обряда дѣйствительною церковною древностью усложняетъ поставленную задачу и даетъ вопросу стороннее направленіе. Можно опасаться, что мало по малу выдвинутся доказательства существованія въ первенствующей церкви сугубой аллилуіи, имени Іисусъ, хожденія посолонь, и т. п., то есть явится защита превосходства мнимо-древняго обряда предъ дѣйствительно-древнимъ. Кромѣ указанной попытки, опасенія наши имѣютъ основаніе въ томъ, что защитникъ «нуждъ

единовѣрія» называетъ, по раскольничьему обычаю, мнимо-старый обрядъ *дониконовскимъ*. Мы не подозрѣваемъ его намѣренія, но желали бы видѣть больше точности и опредѣленности въ выраженіяхъ, которыми можно злоупотребить, т. е. назвать общеправославный обрядъ никоновскимъ, тогда какъ онъ есть обрядъ всей каѳолической православной церкви, древнѣйшій единовѣрческаго. Предоставляя раскольничьей діалектикѣ доказывать древность особенностей стараго обряда, мы надѣемся, что защитникъ «нуждъ единовѣрія», согласится съ нами въ той исторически вѣрной мысли, что помянутыя особенности есть плодъ русской почвы. Но какой почвы? Географической? Но неужели нашъ климатъ благопріятствуетъ двоеперстію, сугубой аллилуіи, хожденію посолонь, и т. п. и не терпитъ троеперстія, трегубой аллилуіи и хожденія противъ солнца? Скорѣе по условіямъ климата мы могли измѣнить строгость и продолжительность постовъ, возрастъ церковнаго совершеннолѣтія для брачущихся, но мы и этого не сдѣлали. Этнографической? Но большинство русскихъ и всѣ православные славяне не находятъ противнымъ своимъ національнымъ свойствамъ держаться общаго православнаго восточнаго обряда. Мнимо-старовѣрческія особенности не имѣютъ связи съ характеромъ народа, а суть условныя подробности обряда. Не кроется ли источникъ этихъ особенностей въ историческихъ обстоятельствахъ жизни русской церкви, напримѣръ въ появленіи ересей, противъ которыхъ установлены особые обряды вмѣсто древне-принятыхъ. Нѣтъ, на это нѣтъ и намека въ нашей исторіи. У насъ есть уважительныя особенности, оправдываемыя исторіею, напримѣръ молебны въ воспоминаніе побѣдъ

надъ шведами, надъ галлами и т. п., и восточная церковь не можетъ настаивать на ихъ отмѣнѣ, а съ другой стороны не введетъ ихъ въ употребленіе въ своей области.

Безпристрастіе требуетъ согласиться, что особенности нашего единовѣрческаго обряда не вызваны никакими дѣйствительными нуждами русской церкви. Онѣ выросли на ея почвѣ, но не на почвѣ глубокой, разумно возділанной, а на почвѣ поверхностной, запущенной, на почвѣ невѣдѣнія и небреженія, свойственной въ извѣстномъ періодѣ жизни не одной Россіи, но и другимъ землямъ. Повторяю опять, что приверженцы такъ называемаго стараго обряда не принимаютъ такого его происхожденія, а производятъ его отъ древнихъ восточныхъ отцовъ и соборовъ, и этимъ подтверждаютъ вѣрность нашей мысли о своемъ невѣдѣніи. Они позволяютъ себѣ думать, что въ церкви восточной подъ дѣйствіемъ турецкаго ига введены измѣненія въ обрядахъ, не согласныя съ ихъ особенностями, и этимъ опять не доказываютъ ли справедливости нашего взгляда о ихъ невѣдѣніи?

Если же несомнѣнно, что въ извѣстномъ періодѣ и извѣстной части русской церкви подъ покровомъ невѣдѣнія вкрались измѣненія въ православный обрядъ, принятый нами съ востока съ намѣреніемъ всегда вѣрно содержать его, то основательно ли примѣнять къ этимъ случайнымъ измѣненіямъ право свободы обряда, которое, по свидѣтельству исторіи, примѣнялось съ значительными ограниченіями и къ разумно оправдываемымъ особенностямъ мѣстныхъ обрядовъ? Невѣдѣніе подлежитъ исправленію, а не утвержденію; къ невѣдѣнію есть снисхожденіе, терпи-

мость, но подчиненіе ему не мыслимо, увѣковѣченіе его незаконно.

Однакожъ защитникъ «нуждъ единовѣрія» видитъ узаконеніе особенности такъ называемаго стараго обряда въ томъ, что восточные іерархи, знавшіе хорошо обряды и обычаи русской церкви, не возставали противъ нихъ, не настаивали на ихъ исправленіи. Но не совершенно очевидно то, что знаніе нашего обряда со стороны нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ было полное. Пріѣзжему греку, незнающему русскаго языка, не легко было ознакомиться съ нимъ. Не вполнѣ вѣрно то, что молчаніе съ ихъ стороны было всеобщее и постоянное; Тертію Ивановичу указано на дѣйствія преподобнаго Максима Грека, на свидѣтельство Никона, которыя доказываютъ противное. Съ другой стороны, можно ли утвердительно сказать, что греки не говорили объ этомъ словесно, хотя и не передавали своихъ замѣчаній письменно. И въ настоящее время есть недоразумѣнія между русскою и греческою церковію относительно нѣкоторыхъ второстепенныхъ церковныхъ вопросовъ, и хотя они не составляютъ предмета взаимныхъ разсужденій, однакожъ это молчаніе не можетъ быть объяснено въ смыслѣ согласія. Страждущимъ нашимъ восточнымъ братіямъ неудобно было поучать и обличать насъ, когда они искали у насъ помощи. Имъ оставалось снисходить нашему невѣдѣнію и ожидать случая, когда сама русская независимая церковь сознаетъ свои неисправности и приступитъ къ ихъ исправленію. Это время настало и восточные первосвятители прервали свое молчаніе не въ пользу разностей старообрядческихъ.

Дѣйствія русской церкви, поддерживаемой въ этомъ

дѣлѣ восточною, вполнѣ законны и согласны съ древнею вселенскою практикою. Нельзя только не поскорбѣть, что дѣло исправленія русскаго обряда, какъ намъ кажется, совершено слишкомъ скоро и круто. Въ древности въ подобныхъ предпріятіяхъ было больше мудрости и терпѣнія. Лучше было бы повременить, просвѣтить невѣдущихъ, дать имъ вѣрное понятіе объ обрядѣ, ввести ихъ въ разумѣніе восточнаго обряда, и кротостью и любовію подготовить ихъ къ принятію исправленія обрядовой части. Но поспѣшность и рѣшительность патріарха Никона не оправдываетъ сопротивленія приверженцевъ вкравшихся въ обрядъ измѣненій, а тѣмъ менѣе не снимаетъ съ нихъ вины возстанія на церковь, хуленія ея и отдѣленія отъ ней. Въ этомъ дѣйствіи раскольниковъ есть грѣхъ не только раскола, но и зародышъ ереси; потому что хула на церковь есть отверженіе вѣры во едину святую, соборную и апостольскую церковь, которую врата адовы не одолѣютъ, есть непризнаніе пастырей, ихъ же Духъ Святый постави епископы пасти церковь Господа, юже стяжа кровію Своею, а врезъ это и удаленіе отъ спасительныхъ таинствъ, строительство которыхъ ввѣрено законному священству. Излишняя, суевѣрная привязанность къ обряду повела этихъ несчастныхъ къ пренебреженію существенныхъ сторонъ христіанства. Чтожъ оставалось дѣлать церкви? Признать ли свою поспѣшность относительно начатаго дѣла и возвратиться назадъ къ терпимости содержимыхъ неправильностей обряда? Едва ли это было возможно. Противники богослужебныхъ исправленій перетолковали бы колебаніе церкви въ свою пользу и къ ея вреду. А потому и принята была мѣра рѣшительная. От-

сѣченіе упорствующихъ хулителей отъ церкви сдѣлалось неизбѣжнымъ. Оно направлено не противъ разностей обрядовъ, а противъ духа ихъ приверженцевъ. Если отлученіе соприкасается и къ обрядамъ, то потому только, что обряды были орудіемъ противленія церкви. Поясникъ это примѣрами: нѣтъ сомнѣнія, что ветхозавѣтные обряды установлены самимъ Богомъ; и однакожъ самъ Богъ иногда порицалъ и отвергалъ эти обряды: *кадило мерзость мнѣ есть*, говоритъ Онъ устами пророка Исаіи, *новомѣсячій вашихъ и субботъ и дне великаго не потерплю: поста и новомѣсячій вашихъ и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя* (Ис. I, 13 и 14). Неужели Богъ противорѣчитъ самому себѣ, осуждая и отвергая установленные имъ самимъ обряды? Нѣтъ, не обряды Онъ отвергаетъ, а тѣхъ, которые, содержа ихъ вѣрно, но внѣшне, но суевѣрно, удаляются отъ Бога, не исполняя важнѣйшихъ заповѣдей Божіихъ. Другой примѣръ. Мѣдный змій, который былъ сдѣланъ и поставленъ во время странствованія евреевъ по пустынѣ, и, будучи прообразованіемъ Распятаго Спасителя, былъ, по вѣрѣ въ Него, орудіемъ чудодѣйственной силы Божіей противъ укушенія змѣевъ; этотъ мѣдный змій хранился сначала при скиніи, а потомъ при храмѣ Соломоновомъ. Когда же этотъ памятникъ благодѣянія Божія и символъ искупленія сдѣлался предметомъ суевѣрнаго почитанія со стороны евреевъ, то онъ былъ, по повелѣнію одного благочестиваго царя, уничтоженъ. По видимому осужденіе и кара падаетъ на внѣшніе предметы, а въ самомъ дѣлѣ поражаются люди, злоупотребляющіе этими предметами. Точно также и приверженцы мнимо-старовѣрческаго обряда осуждены не за содержа-

ніе этихъ обрядовъ, но за противленіе церкви, которому поводомъ и орудіемъ служили эти обряды.

Можно думать, что если бы приверженцы старыхъ обрядовъ встрѣтили исправленіе богослужебныхъ книгъ не упорнымъ сопротивленіемъ, а смиреніемъ, не хулою на церковь, а мольбою къ ней дозволить имъ пользоваться прежними обрядами, то церковь отнеслась бы къ ихъ немощной совѣсти снисходительно. Вѣроятность такого образа дѣйствій церкви основывается на допущеніи ею впослѣдствіи единовѣрческаго обряда. Въ этомъ дѣлѣ выразился всегдашній духъ любви и попеченія церкви о спасеніи ея чадъ. Но это невозможно было безъ возвращенія къ любви, миру и послушанію со стороны разногласившихъ по поводу обряда. Дѣйствія церкви измѣнились сообразно перемѣнѣ, произшедшей въ приверженцахъ такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ: учреждено такъ называемое единовѣріе.

Защитникъ «нуждъ единовѣрія» недоволенъ установленнымъ церковію положеніемъ единовѣрцевъ. По его мнѣнію, единовѣрцы «не пользуются всею полнотою церковныхъ правъ, имъ отказано въ полной свободѣ обряда, имъ не дано полнаго равенства съ послѣдователями православнаго обряда; для нихъ установлены, на основаніи какого то неизвѣстнаго въ церкви начала, весьма важныя и стѣснительныя ограниченія, ступени, отличающія ихъ отъ другихъ въ отношеніи къ ихъ церковному достоинству; мѣра церкви есть половинная мѣра; положеніе единовѣрцевъ безпримѣрное въ исторіи церкви; они не приняты въ полное и безусловное общеніе съ церковью; «они терпятъ и несутъ бремя нашихъ ошибокъ; они занимаютъ

въ церкви самое послѣднее мѣсто; они, пасынки и т. п.» Какой смыслъ этихъ укоризнъ и сѣтованій, способныхъ заставить единовѣрцевъ скорбѣть о ихъ несчастномъ положеніи въ церкви и возбудить въ нихъ сѣтованіе на церковь, назвать ее, не матерью, а мачихою? Богослуженіе по такъ называемому старому обряду имъ предоставлено вполнѣ безъ всякихъ стѣсненій; относительно управленія имъ даны даже преимущества, — это независимость отъ консисторій, и непосредственное обращеніе къ епископу, — что при прежнихъ дѣйствіяхъ консисторій нельзя не считать значительною льготою. Въ устройствѣ приходовъ, въ отношеніи прихожанъ къ священникамъ, единовѣрцы также пользуются нѣкоторыми благопріятными для нихъ изъятіями изъ общепринятаго порядка. Въ чемъ же усматривается неравенство единовѣрцевъ съ послѣдователями общеправославнаго обряда? Въ томъ, что имъ безусловно предоставлено пользоваться и своимъ обрядомъ и общеправославнымъ, а намъ дозволено пользоваться единовѣрческимъ обрядомъ только въ случаѣ крайней нужды, напр. причащаться въ единовѣрческой церкви при неимѣніи своего священника, въ смертномъ случаѣ. Нельзя не подивиться, какъ защитникъ «нуждъ единовѣрія» не замѣтилъ, что такимъ положеніемъ ограничиваются не права единовѣрцевъ, а наши собственные; что единовѣрцамъ дано больше свободы, чѣмъ намъ. За кого же онъ ратуетъ? За тѣхъ изъ православныхъ, которые желали бы пользоваться единовѣрческимъ обрядомъ? Если есть такіе немощные совѣстью, то ихъ нужно не одобрять, а руководить и ограничивать, потому что они, по невѣдѣнію, идутъ отъ болѣе правильнаго къ менѣе

правильному, отъ общаго порядка къ исключенію. Въ другихъ мѣстахъ своей отповѣди защитникъ «нуждъ единовѣрія» выражается яснѣе. Онъ стремится достигнуть равенства правъ единовѣрческихъ общинъ съ общими правами церкви, желаетъ обезпечить, какъ онъ выражается, «свободу перехода изъ православныхъ приходовъ въ единовѣрческіе, перехода въ единовѣріе православныхъ лицъ», короче сказать, онъ домогается пропаганды единовѣрческаго обряда на счетъ православнаго. Кажется въ этомъ стремленіи защитникъ единовѣрія идетъ далѣе, чѣмъ защищаемые имъ единовѣрцы. Сіи послѣдніе, переходя изъ раскола въ церковь, искали своего спасенія въ общеніи вѣры и таинствъ съ богоучрежденнымъ обществомъ вѣрныхъ, а теперь ихъ попеченія направляются къ спасенію членовъ того общества, въ единеніи съ которымъ они искали спасенія; они просили о дозволеніи имъ пользоваться такъ называемымъ старымъ обрядомъ, а по полученіи этого дозволенія въ нихъ пробуждается домогательство вытѣснять своимъ обрядомъ общеправославный обрядъ; они ищутъ успокоенія своей совѣсти въ снятіи осужденія на содержащихъ неисправленный обрядъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будто бы разсчитываютъ, по успокоеніи своей совѣсти, смущать спокойную совѣсть другихъ. Навѣрно защитникъ «нуждъ единовѣрія», ожидая для единовѣрцевъ подобной широты дѣйствій, преувеличиваетъ ихъ ожиданія. Его влечетъ по этой покатости невѣрный выводъ изъ невѣрнаго начала полной, совершенной свободы обряда, которую церковь всегда значительно и мудро ограничивала и которая относительно единовѣрческаго обряда выражается только любвеобильною терпи-

мостію. Мы согласны съ защитникомъ «нуждъ единовѣрія», что положеніе ихъ безпримѣрно; но безпримѣрность эта состоитъ въ безпримѣрномъ снисхожденіи церкви къ немощной совѣсти,—снисхожденіи, допустившемъ разности обряда въ одной и той же мѣстной церкви, тогда какъ общая практика церкви не охотно допускала обрядовыя разности и между независимыми мѣстными церквами, и стремилась по возможности объединить оныя. Тертій Ивановичъ, справедливо замѣтившій, что совокупность единовѣрческихъ приходовъ *неправильно* именуется единовѣрческою церковью, по видимому отступаетъ отъ своей мысли, и ставитъ единовѣрческіе приходы въ равноправность со всею православною церковью. Если единовѣрческая община не есть церковь, а малая часть ея, гдѣ же право ея соперничать своимъ обрядомъ съ общесодержимымъ церковью? Не должна ли она напротивъ сообразоваться съ общими нуждами, съ общимъ порядкомъ церкви, за исключеніемъ дозволенныхъ единовѣрческой общинѣ особенностей обряда? Ей не подобаетъ бросать ревнивый взглядъ на православный обрядъ и вообще слишкомъ отчуждаться въ своемъ обрядѣ; это повело бы ее къ принятію прошлаго суевѣрнаго преувеличенія относительно исключительной спасительности стараго обряда и могло бы быть причиною споровъ, смутъ въ церкви. Полезнѣе было бы и сообразнѣе съ положеніемъ единовѣрцевъ и съ пользами церкви направить дѣятельность не на распространеніе ихъ обряда въ ущербъ общеправославнаго, а на распространеніе единовѣрія среди несчастныхъ отщепенцовъ отъ церкви. Здѣсь жатвы много!

Но защитникъ «нуждъ единовѣрія» видитъ новую

несправедливость противъ совокупности единовѣрческихъ приходовъ, въ томъ, что имъ даруется меньшая равноправность съ православнымъ обрядомъ, чѣмъ ожидаемой въ будущемъ православно-западной церкви. Причину этого онъ находитъ въ нашемъ предпочтеніи иностранцевъ своимъ соотечественникамъ. «Мы руководимся, говоритъ онъ, чисто православнымъ и братолюбивымъ образомъ дѣйствія только до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о западныхъ европейцахъ, а въ отношеніи къ своимъ ближайшимъ братьямъ, ищущимъ свободы въ употребленіи самыхъ незначительныхъ и совершенно православныхъ особенностей обряда, являемся не съ тою мѣрою и съ другимъ вѣсомъ. Противорѣчіе очевидное и тѣмъ болѣе рѣзкое, что оно не въ пользу нашихъ соотечественниковъ, которые требуютъ малаго, а въ пользу людей инородныхъ, требующихъ всего, чего только можно въ этомъ дѣлѣ требовать, т. е. полной свободы обряда въ предѣлахъ разрѣшаемыхъ церковью. Очень можетъ быть, что привыкшіе къ положенію рабовъ, наши смиренные братья и не возвысятъ своего голоса, чтобы громко заявить о своихъ чувствахъ, которыхъ они не могутъ однако не испытывать при видѣ такого необъяснимаго предпочтенія чужимъ своимъ; но что обида этого предпочтенія имъ ясно сознается и живо чувствуется, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Насъ, конечно, это обстоятельство встревожить не можетъ, ибо мы и привычки не дѣлали заниматься чувствами народа и обращать вниманіе на его душевное настроеніе; но вотъ бѣда: что если эти самые старокатолики, которые ведутъ съ нашимъ обществомъ переговоры, или же почтенный іерей (?) Іосифъ Овербекъ

узнаютъ, что у насъ въ церкви есть такіе члены, которые изъ двоеперстія и хожденія посолонь лишены полной свободы церковнаго съ нами общенія и потребуютъ отъ насъ объясненія въ двойственности нашихъ мѣръ и вѣсовъ? Что мы скажемъ на это? Можно ли по крайней мѣрѣ разсчитывать на то, что это предпочтеніе, которое мы оказываемъ имъ предъ единовѣрцами, польститъ имъ? Къ чести ихъ надобно думать, что нѣтъ; напротивъ, можно скорѣе ожидать, что это произведетъ на нихъ весьма тягостное впечатлѣніе и можетъ даже потрясти ихъ благопріятное для истины настроеніе». Это отрывокъ изъ трактата защитника «нуждъ единовѣрія» полный теплаго, патріотическаго чувства, а вотъ образецъ его юмора: «намъ все еще кажется унизительнымъ уступить презираемому нами мужичью. Овербекъ, англиканцы, старожатолики,—а, это совершенно другое дѣло. Тамъ société, mon cher». Не буду останавливаться на этой послѣдней выходкѣ, о которой только можно сказать, что авторъ ея, приписывая другимъ смѣшное легкомысліе, показалъ свое крайнее легкомысліе. Для насъ важнѣе вышеприведенная большая выписка. Чтеніе ея возбуждаетъ скорбь о томъ, что вопросъ, разбиравшійся просвѣщенно и безпристрастно, перенесенъ на арену страстей, что направленіе, данное дѣлу въ смыслѣ единенія и мира, отклонено въ сторону волненія и раздѣленія. Между тѣмъ къ такому прискорбному повороту не даетъ повода ни самый предметъ, ни способъ его рѣшенія. Разбиравшійся вопросъ о «нуждахъ единовѣрія» не есть національный, тѣмъ менѣе сословный, онъ чисто церковный; въ этомъ смыслѣ велось и его рѣшеніе.

Вѣрны ли упреки, направленные противъ насъ и церкви, въ пристрастіи къ иноземцамъ, ищущимъ общенія съ православною церковью сравнительно съ единовѣрцами? Нисколько. Въ этихъ упрекахъ встрѣчается во первыхъ ни на чемъ не основанное предположеніе о равноправности западнаго обряда съ восточнымъ, понимаемой въ смыслѣ свободнаго перехода изъ одного обряда въ другой. Защитникъ «нуждъ единовѣрія» предрѣшилъ этотъ вопросъ, о которомъ церковь не постановила своего рѣшенія. Между тѣмъ едва ли она выскажется въ его смыслѣ. Космополитизмъ въ обрядѣ не представляется ни основательнымъ, ни благодѣтельнымъ. Трудно представить, чтобы православная церковь позволила свободный переходъ ея членовъ въ западный обрядъ, и западная православная церковь (если она учредится) согласилась на подобную свободу. Каждая мѣстная независимая церковь дорожитъ своимъ обрядомъ, какъ душа дорожитъ своимъ тѣломъ; обрядъ составляетъ ея физіономію, которая образовалась подъ вліяніемъ ея вѣрованій, нуждъ и обстоятельствъ жизни. Съ оставленіемъ обряда своей церкви и переходомъ въ чужой, членъ церкви разрываетъ связь съ своими преданіями, которыми поддерживается и внутренняя жизнь; съ оставленіемъ своего обряда онъ разрываетъ внѣшній союзъ съ своими близкими, *съ ними же ходихомъ въ дому Божіемъ единомышленіемъ*, съ своими пастырями и учителями, устраняетъ ихъ законную юрисдицію, словомъ, является шаткость положенія вѣрующаго и нарушается порядокъ и дисциплина церкви. Защитникъ «нуждъ единовѣрія» опасается, при содержаніи каждою церковью своего обряда, за дѣйствительность взаимно-

общенія, которое онъ несправедливо поставляетъ въ смѣшеніи, въ сліяніи внѣшности. Взаимнообщеніе состоитъ въ общей вѣрѣ, надеждѣ и любви, во взаимной молитвѣ, хотя и въ разныхъ храмахъ и по разнымъ обрядамъ. Въ особыхъ же обстоятельствахъ, когда нѣтъ своего храма и священника, единовѣрные могутъ удовлетворять своимъ духовнымъ нуждамъ и въ разнообрядныхъ церквахъ. Такъ, напрасно нашимъ единовѣрцамъ внушается сѣтованіе на предполагаемое наше пристрастіе къ западнымъ; симъ послѣднимъ не можетъ быть даровано большихъ предъ ними правъ. Это ихъ сѣтованіе можетъ имѣть источникомъ только недоразумѣніе.

Защитникъ «нуждъ единовѣрія» полагаетъ, что и въ принятіи въ общеніе единовѣрныхъ намъ западныхъ братій имъ дѣлается больше уступокъ, чѣмъ нашимъ единовѣрцамъ. «Овербекъ и его сообщники, говоритъ онъ, возвращаются къ истинной церкви отъ заблужденій характера еретическаго, безъ всякаго сравненія превышающихъ заблужденіе нашего раскола, отъ котораго приходятъ въ общеніе съ нами единовѣрцы». Но дѣло не въ томъ, кто и откуда приходитъ въ церковь, а въ томъ, какъ кто въ нее приходитъ. Каждый возвращается въ церковь изъ того мѣста, или—лучше сказать, изъ того состоянія, въ которое онъ отъ нея удалился: одинъ изъ ереси, другой изъ раскола. Церковь требуетъ, чтобъ тотъ и другой оставили вполнѣ и искренно то, что ихъ отъ нея отдѣляло: одинъ—ересь, другой—расколъ. При исполненіи этого условія, она съ равною любовію принимаетъ и обнимаетъ возвратившагося къ истинѣ еретика и вошедшаго въ церковную ограду раскольника. Искрен-

ность и всесторонность разрушенія преграды со стороны присоединенныхъ составляетъ мѣру ихъ соединенія. Примѣняя эти условія соединенія съ православною церковію къ г. Овербеку, нельзя не видѣть, что онъ исполнилъ ихъ совершенно, т. е., онъ отвергъ всѣ заблужденія Римской церкви и принялъ всѣ догматы вселенской церкви. А потому православная церковь обняла его, какъ вполнѣ покорнаго сына и причислила его къ своей вѣрной и единомысленной семьѣ. Съ другой стороны, является ко входу церкви бывшій раскольникъ. Что отдѣляло его отъ церкви? Противленіе ей, соединенное съ невѣріемъ въ ея истинность и святость. Что служило поводомъ и орудіемъ къ отдѣленію его отъ церкви? Слѣпая приверженность къ мнимо-старымъ обрядамъ. Отвергаетъ ли этотъ ищущій входа церковнаго свое прежнее противленіе церкви и поводъ къ оному? Противленіе оставляетъ, а къ обрядамъ, бывшимъ къ тому причиною, сохраняетъ прежнюю приверженность. Не смотря на это послѣднее обстоятельство, которое представляетъ оттѣнокъ, церковь обнимаетъ единовѣрца и причисляетъ его къ своей вѣрной и единомысленной семьѣ. Оставляю судить вашему безпристрастію, на какой сторонѣ предпочтеніе.

«У западныхъ», продолжаетъ защитникъ «нуждъ единовѣрія», «больше разностей въ обрядахъ и эти разности важнѣе, напримѣръ у нихъ въ употребленіи особый чинъ литургіи». Но дѣло не въ многочисленности и важности разностей, а въ ихъ происхожденіи и смыслѣ. Эти разности явились въ глубокой древности, онѣ имѣютъ своимъ источникомъ особенность географической, этнографической и исторической почвы

запада; смыслъ ихъ православный; онѣ не были причиною раздѣленія церквей; вселенская церковь знала и признала ихъ законное существованіе. Римская литургія есть происхожденія апостольскаго; она приведена въ окончательный видъ св. Григоріемъ Двоесловомъ и совершалась во время единства церквей западной и восточной. А потому разрѣшеніе слѣдовать этимъ обрядамъ нельзя даже назвать уступкою со стороны православной церкви; это есть простое признаніе права и древняго порядка. Таково ли происхожденіе разностей единовѣрческаго обряда? Таковы ли соединены съ ними воспоминанія? А потому умѣстно ли укорять церковь за мнимое предпочтеніе инороднымъ соотечественникамъ?

Несомнѣнно, что и въ западный обрядъ, со времени отпаденія римской церкви отъ вселенской, вкрались нѣкоторыя измѣненія и искаженія. Просвѣщенный и искренній докторъ Овербекъ зналъ объ однихъ изъ этихъ измѣненій и искаженій; а потому заранѣе заявилъ объ ихъ исправленіи. Другія были ему неизвѣстны, но были ему указаны. По провѣркѣ этихъ указаній, онъ нисколько не колебался согласиться на ихъ исправленіе. Вообще же онъ старался какъ можно ближе поставить свою общину къ православной церкви и въ отношеніи къ обряду. Защитникъ «нуждъ единовѣрія» думаетъ, что общинѣ Овербека разрѣшено употреблять крестное знаменіе, «пяти-перстною дланію», употребляемою на западѣ. На самомъ же дѣлѣ не такъ. Г. Овербекъ понимаетъ важность крестнаго знаменія, какъ внѣшняго знака единенія между христіанами, а потому онъ принялъ троеперстіе, бывшее общимъ крестнымъ знаменіемъ на Востокѣ и Западѣ.

Такъ ли разумно уступчивы наши единовѣрцы? и есть ли основаніе плакаться на искомое предпочтеніе имъ единовѣрцевъ западныхъ? Нѣтъ, всѣ эти сѣтованія несправедливы и неосновательны. Защитникъ «нуждъ единовѣрія», не размысливъ зрѣло о вопросѣ, вводитъ въ заблужденіе защищаемыхъ имъ единовѣрцевъ.

Не желая утомлять вашего вниманія, я изложилъ кратко мои замѣчанія, останавливаясь только на несомнѣнныхъ фактахъ, на неоспоримыхъ богословскихъ и каноническихъ соображеніяхъ, не обременяя ихъ текстами и подробнымъ развитіемъ. Изъ этихъ короткихъ замѣчаній я дѣлаю одинъ слѣдующій выводъ: вопросъ о нуждахъ единовѣрія поставленъ не вѣрно, а въ дальнѣйшемъ развитіи онъ усложненъ побочными мыслями, измѣнившими его направленіе.

1) Положенное въ основу рѣшенія этого вопроса начало о полной, совершенной свободѣ обряда не оправдывается стремленіями и практикою церкви.

2) Поставленное въ должные предѣлы начало о свободѣ обряда не можетъ быть примѣнямо къ особенностямъ единовѣрческаго обряда, которыя допущены на другомъ основаніи, на основаніи любвеобильнаго снисхожденія церкви къ немощной совѣсти.

3) Еще менѣе примѣнима къ единовѣрческимъ особенностямъ не вѣрно понятая равноправность обряда, какъ противная воззрѣнію вселенской церкви, порядку и дисциплинѣ мѣстныхъ церквей.

4) Соображенія о предпочтеніи иноземныхъ единовѣрцевъ единовѣрцамъ соотечественникамъ не согласны съ истиною и даютъ вопросу невѣрное и тревожное направленіе.

За исключеніемъ всего невѣрнаго и сторонняго,

вопросъ о нуждахъ единовѣрія долженъ получить слѣдующую постановку: «нѣкоторые единовѣрцы смущаются тѣмъ, что возложенное на содержащихъ особенности неисправленнаго обряда отлученіе неотмѣнено; нужно успокоить ихъ совѣсть». Къ этому успокоенію тревожной совѣсти, по правдѣ сказать, единовѣрцы могли бы придти простымъ взглядомъ на дѣйствія церкви, вмѣсто того, чтобъ домогаться писанныхъ, формальныхъ опредѣленій и разъясненій. Дѣло говоритъ болѣе, чѣмъ слово. Единовѣрцы живутъ въ нѣдрахъ церкви, православія и святости которой они не отвергаютъ; церковь дозволяетъ имъ безпрепятственно совершать таинства и молитвословія по ихъ обряду. Откуда же тревога совѣсти? Откуда подозрѣніе на неправильное дѣйствіе церкви? Отъ того ли, что дозволеніе идетъ отъ одной русской церкви безъ предварительнаго соглашенія съ восточными патріархами? Но мы обратимъ къ тревожащимся то, что Тертій Иванович приводилъ въ доказательство узаконенія единовѣрческихъ разностей обряда. Онъ основывалъ это узаконеніе, между прочимъ, на согласіи восточной греческой церкви, которая, зная эти разности обряда, молчала, не осуждала ихъ. Единовѣріе существуетъ уже около ста лѣтъ; нельзя основательно утверждать, чтобъ восточные пастыри не знали объ этомъ, и однакожъ они не осудили образа дѣйствій русской церкви относительно единовѣрцевъ. Дониконовское молчаніе грековъ было прервано не въ пользу содержанія особенностей единовѣрческаго обряда! Настоящее молчаніе о единовѣріи прерывается въ пользу образа дѣйствій русской церкви. Самъ защитникъ «нуждъ единовѣрія» приводитъ взглядъ на это дѣло вселен-

сваго патріарха; подобный же взглядъ былъ высказанъ и Александрійскимъ патріархомъ; а съ сими первосвятителями, безъ сомнѣнія, единомысленъ весь Востокъ. Чего же желать болѣе? Чего тревожиться? Впрочемъ я не противъ дальнѣйшихъ объясненій, предоставляя ихъ форму и благовременность мудрости и любви церкви, не исключая и созванія собора. Только задача этого собора не можетъ состоять въ снятіи анаѳемы съ единовѣрцевъ, а въ разъясненіи, что эта анаѳема на нихъ не тяготѣла и не тяготѣетъ. Но раскрытіе этой стороны вопроса принялъ на себя профессоръ И. Ѳ. Нильскій, которому и принадлежитъ продолженіе состязанія съ г. Филипповымъ.

Въ заключеніе не могу умолчать о томъ, что защитникъ «нуждъ единовѣрія» злоупотребляетъ словомъ *честный*, т. е. употребляетъ его неосторожно, односторонне. По его взгляду «честность» раскольниковъ состоитъ въ томъ, что они, недовѣряя намѣреніямъ и духу церкви, чуждаются общенія съ нею; «честность» единовѣрцевъ возбуждаетъ ихъ недовольство устроеннымъ церковію ихъ настоящимъ положеніемъ. Такое воззрѣніе какбы бросаетъ тѣнь на тѣхъ раскольниковъ, которые присоединяются къ церкви, и на тѣхъ единовѣрцевъ, которые искренно мирятся съ своимъ положеніемъ. Честность! Но честность, какъ и благородство, возлагаетъ важныя обязанности на дорожащихъ этимъ качествомъ. Она не состоитъ въ узкомъ взглядѣ, въ невѣжественной стойкости; она обязываетъ къ просвѣщенію, къ довѣрію мудрому и спасительному руководству пастырей; она совмѣстима съ кротостію и смиреніемъ тамъ, гдѣ недостаетъ пониманія. Фанатизмъ и упорство такъ же относятся къ

честности, какъ суевѣріе къ вѣрѣ, опрометчивость къ храбрости, грубость къ правдивости, расточительность къ щедрости.

Что же касается до надежды защитника «нуждъ единовѣрія» на честь доктора Овербека съ цѣлію пріостановить его соединеніе съ православною церковью, то эта надежда столько же неблаговидна, сколько напрасна. Ученый приверженецъ истины вѣрно понимаетъ смыслъ дѣйствій православной церкви и не послѣдуетъ внушеніямъ защитника «нуждъ единовѣрія».

Протоіерей І. Васильевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки